

днения 1965, 1966, 1988, 1989, 2002, 2012 годов, охватывающие черноморское побережье и предгорье Кавказа.

Катастрофический паводок наблюдался в бассейне реки Адагум 6-7 июля 2012 года, причиной которого явилось максимальное количество осадков, выпавших за 5 часов по м/с Крымск – 124 мм, а по м/с Новороссийск – 157 мм. Максимальный расход по реке Адагум через г. Крымск составил около 1500 м³/с, что в два раза превысил исторический макси-

мум 2002 года. Объем стока р. Адагум в створе у г. Крымска оценен в 40000 тыс. м³, что составляет 38 % от нормы годового объема стока.

Неберджаевское водохранилище в период прохождения паводка выполнило свою аккумуляционную функцию, снизив поступление паводочных вод в р. Адагум на 130 м³/с.

Наводнения являются не только следствием естественных причин, но и разнообразной хозяйственной деятельностью, что требует постоянного мониторинга.

Исторические науки

К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИИ ИЗУЧЕНИЯ СЛАВЯНСКОГО ЯЗЫЧЕСТВА В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Лушников А.А.

*Центр технологического обучения,
Пенза, e-mail: lushnikovalexander1@gmail.com*

Советская историография ознаменовала собой новую веху в изучении славянского язычества, которое является одной из самых сложных проблем нашей истории. Вместе с этим сам процесс изучения этой религии – не менее интересная проблема. При анализе советской историографии славянского язычества необходимо учитывать, что даже изучение темы, связанной с «древностью», неотделимо от современных исследователю идеологических процессов.

В советское время методологической основой для исследований служили исторический материализм и атеизм. Первой работой, в которой история религии восточных славян и Древней Руси комплексно анализировалась в соответствии с данной парадигмой, стал труд Н.М. Никольского «История русской церкви». Именно здесь был сформулирован один из главных постулатов советской историографии восточнославянского язычества – идеологические результаты крещения Руси, несмотря на все усилия власти, были «сомнительными», о чем свидетельствует факт известного «двоверия». В противовес историографии XIX в. (Е.В. Аничков, Гальковский и др.) христианству уже не отводилось ведущей роли в общественном сознании населения Древнерусского государства [6,21-30], что, конечно, имело и идеологический эффект, так как принижало роль такого события, как крещение Руси. Однако вопросы, связанные с историей религии, не входили, конечно, в число ведущих, однако они вновь приобрели актуальность в связи со знаменитыми дискуссиями 1928–1930 гг. об общественных формациях, где особое внимание уделялось проблеме перехода от первобытнообщинной формации к классовым обществам. Возобладала точка зрения Б.Д. Грекова, сделавшего попытку обосновать в своем труде «Киевская Русь» зарождение феодальных порядков у восточных славян, общество которых миновало рабовладельческую

формацию, при этом, под влиянием археологов, он полагал, что в VII–VIII вв. «на главной магистрали Днепр–Волхов племенной строй был уже изжит» [2, 467]. Язычество во времена Древнерусского государства ученый называл «достаточно развитой религией» [2, 471], что, конечно, вписывалось в его общую концепцию феодализма в Киевской Руси, причем еще до Б.А. Рыбакова он всецело «доверился» известной «периодизации» славянского язычества по «Слову св. Григория об идолах» (культ упырей и берегинь – культ Рода и рожаниц – культ Перуна). Впоследствии данная концепция была усовершенствована Л.В. Черепнинным, выдвинувшим понятие «государственного феодализма» [10]. Тем не менее, большинство этих положений были подвергнуты критике И.Я. Фрояновым. Он считал Древнюю Русь государством, опирающимся на общинную основу [9], что отразилось и на его представлениях в восточнославянском язычестве, которое он понимал как причудливое переплетение различных верований, смесь языческих культов разных уровней, начиная от архаических и кончая сравнительно поздними, характерными для последней стадии развития первобытнообщинного строя [10,37–77]. И.Я. Фроянов пытался дать характеристику каждому из этих уровней, однако он не дает четкую периодизацию истории данной религии, поэтому остается не до конца ясным, как происходил переход от старого к новому уровню.

Однако не стоит думать, что советская историография язычества восточных славян суть дополнение к дискуссии о феодальном характере Древнерусского государства. В 70-е гг. свое развитие получает структуралистский подход к мифологии В.В. Иванова и В.Н. Топорова, выраженный, прежде всего, в их фундаментальном труде «Исследования в области славянских древностей» [4]. Ученые показали возможности подхода к мифологическим системам как к системе лингвистической, собрали обширные лингвистические и фольклорные данные по славянскому язычеству, а также выработали так называемую «теорию основного мифа» – борьбы Громовержца со Змеем (в восточнославянском варианте – Перуна с Велесом). Эта концепция представляется довольно интересной, но, тем

не менее, уже в советское и, тем более, в наше время вызвала критику. Дело в том, что древнерусские источники не дают оснований прямо утверждать о наличии подобных мифов у славян, поэтому положения «теории основного мифа» – продукт обобщений, интерпретаций, привлечении большого количества косвенных данных, что, однако, есть любая реконструкция славянской мифологической системы. Наконец, в 80-е годы произошел настоящий взрыв интереса к язычеству восточных славян, чему способствовали знаменитые труды Б.А. Рыбакова «Язычество древних славян» и «Язычество Древней Руси» [7;8]. В настоящее время она подвергается довольно резкой критике (самый подробный разбор – у Л.С. Клейна [3]). Если Б.Д. Греков только привел «периодизацию» по «Слову св. Григория об идолах» в качестве «оправдания» своего понимания духовной надстройки над экономическим базисом (в рамках своей концепции), то Б.А.Рыбаков поставил перед собой задачу «оправдать» эту самую «периодизацию», используя большое количество источников. Тем не менее, в методологическом плане использование внутреннего содержания средневекового произведения для выделения этапов развития религии не является корректным. Само «Слово св. Григория об идолах» нуждается в комплексном источниковедческом анализе (первые попытки которого были уже сделаны Н.И. Зубовым [3]), а от автора данного произведения не стоит ждать обширных «знаний по истории мифологии», так как он преследовал другие, духовно-учительные цели в русле своей эпохи. Вместе с этим, пытаясь обосновать данную периодизацию, а также «глубину» языческих воззрений, Б.А.Рыбаков пришел к парадоксальному выводу о так называемом «первобытном земледельческом монотеизме» («эре Рода») на основании собственного анализа крайне запутанного вопроса – культа Рода и рожаниц. Данная концепция напоминает «теорию

первобытного монотеизма» В.Шмидта, который приписывал первобытным народом изначальную веру в единого Бога-Творца (на основании собственной интерпретации веры в небесных богов) [1]. Так чуждая советской историографии концепция оказалась вполне органично вписанной в ее рамки – в этом и состоял парадокс последнего крупного советского труда по славянскому язычеству. «Бог-Творец» как бог Род был приписан восточным славянам задолго до принятия христианства, а его культ был «втянут» в рамки эволюционизма (от простейших форм религии к более сложным).

Таким образом, советская историография славянского язычества представлял собой довольно сложный процесс научного творчества, в котором наличествовали самые разнообразные и спорные концепции и идеи. Ее пример хорошо свидетельствует о том, что в наше время дальнейшее изучение рассматриваемой проблемы невозможно не только без теоретических обобщений, но без более подробного анализа исторических источников.

Список литературы

1. Армстронг К. История Бога. 4000 лет исканий в иудаизме, христианстве, исламе. – М., 2014 – 504 с.
2. Греков Б.Д. Киевская Русь. – М., 2006. – 671 с.
3. Зубов Н.И. Научные фантомы славянского Олимпа // Живая старина – 1995 – № 3. – С. 46-48.
4. Иванов В.В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. – М., 1974. – 341 с.
5. Клейн Л.С. Воскрешение Перуна. К реконструкции восточнославянского язычества. СПб., 2004 – 480 с.
6. Никольский Н.М. История русской церкви. – М., 1985. – 448 с.
7. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. – М., 1994. – 608 с.
8. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. – М., 1985. – 783 с.
9. Фроянов И.Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. – Л., 1980. – 256 с.
10. Фроянов И.Я. Загадка крещения Руси. – М., 2007. – 336 с.
11. Черепнин Л.В. Древнерусское государство и его международное значение. – М., 1965. – 450 с.

Медицинские науки

ОПЫТ ВНЕДРЕНИЯ АКТИВНЫХ МЕТОДОВ ОБУЧЕНИЯ (СВЛ) В УЧЕБНЫЙ ПРОЦЕСС НА КАФЕДРЕ ДЕТСКИХ ИНФЕКЦИОННЫХ БОЛЕЗНЕЙ

Бегайдарова Р.Х., Стариков Ю.Г.,
Алшынбекова Г.К., Девдариани Х.Г.,
Дюсембаева А.Е., Насакаева Г.Е.,
Золотарева О.А.

*Карагандинский государственный медицинский университет, Караганда,
e-mail: r.h.begaidarova@mail.ru*

В настоящее время в мире уделяется большое внимание повышению качества образования в ВУЗах. В Республике Казахстан одним из главных направлений развития медицинского образования является внедрение инновацион-

ных технологий и активных методов обучения. Концепция реформирования основана на вопросах компетентности и квалификации выпускника. Приоритетом подготовки является специалист, обеспечивающий качественную медицинскую помощь и способный конкурировать не только в пределах нашей страны, но и на международном рынке труда [1,2].

За последние годы в Карагандинском государственном медицинском университете в учебный процесс внедрены инновационные технологии, активные методы обучения: CBL, TBL, PBL, проблемные лекции и т.д.

Одним из активных методов обучения является CBL, основанное на клиническом случае (CASE-BASED LEARNING) и внедренное на кафедре детских инфекционных болезней в учебный процесс.